

Волны сияли чистотой и спокойствием, а там, где небо сливалось с морской гладью, белела узкая полоса. Я долго всматривался вдаль, пока не почувствовал неладное: почему эта белая лента извивается и движется вперед?

Я протер глаза. В одно мгновение набежавшая волна скрыла видение, и море вновь опустело. Растерянно моргая, я подошел к самому краю обрыва и снова устремил взор на горизонт, но поверхность воды оставалась невозмутимой.

Я потерял озябшие пальцы. В последнее время мне постоянно приходилось скитаться, терпя холод и пренебрежительные взгляды; руки и ноги покрылись болезненными чирьями, которые нещадно зудели. Ладно еще тело, но если теперь и глаза начали подводить, подсовывая галлюцинации... Неужели зрение испортилось так же, как распухшие от мороза пальцы?

Тихо вздохнув, я приставил ладонь ко лбу, высматривая то самое место, где Фэнхуа когда-то увлек меня под воду.

Тот серебряный дракон наложил на меня какое-то заклинание, позволившее свободно дышать в Бездне, но сейчас я не был уверен, стоит ли вообще соваться в море. Лишившись бессмертной кости, я изменился до неузнаваемости. Сначала я не желал верить Фэнхуа, но после бесчисленных и тщетных попыток заставить Шпильку Управления Ветром взлететь, мне пришлось с горечью признать: теперь я — обычный смертный. Более того, три талисмана порывистого ветра, подаренные дедушкой Фэн-бо, тоже бесследно исчезли с моих рук.

Какая досада! Я берёг их как зеницу ока, а они просто испарились.

подавленно качнув головой, я подошел к кромке воды. Невезение — это полбеды, но если я, став человеком, утону в первом же прибое, смерть выйдет на редкость позорной.

Не успел я погрузиться в раздумья, как за спиной повеяло ледяным холодом. Стоило мне обернуться, как по лицу наотмашь хлестнула звонкая пощечина.

Знакомая сила, всё та же ледяная рука.

— Ой! — я вскрикнул, прижимая ладонь к горячей щеке. — За что?!

На меня в гневе взирал ребенок с алыми глазами. Тонкие брови взлетели вверх, и малец отвесил мне еще один удар.

— Что это за голос? Тебя что, напоили водой из адского перца?

Я замаялся. Совсем забыл, что теперь мой голос звучит как хриплое карканье. Пока я подбирал слова, этот сорванец подскочил ко мне, вцепился в ухо и дернул так сильно, что я взвыл.

— Я тебя спрашиваю! Оглох, что ли?!

Я хотел было ответить, но вовремя спохватился: я ведь не только охрип, но и лицом переменялся. Потирая изуродованную щеку, я пробормотал:

— Послушай, малец, мы ведь едва знакомы. Зачем распускать руки?

В ответ прилетели еще две оплеухи. Кроваво-красные глаза гневно расширились, и пацан, оскалившись, снова набросился на меня, яростно выкручивая ухо.

— Хватит разыгрывать передо мной благородного господина! Не знакомы? Да я тебя, дурака недоделанного, из любой передрыги узнаю, даже если тебя вконец изуродуют!

«Уродец... дурак...»

Не выдержав натиска, я отступил на несколько шагов. Кое-как вырвавшись из его цепких рук, я крикнул:

— Хватит меня крутить, больно же!

Я попытался сбежать, но чья-то хватка железным обручем сомкнулась на моей шее. Обернувшись, я увидел, что мальчишка вернул себе истинный облик: белая чешуйчатая лапа пригвоздила меня к месту, а алые глаза полыхнули ненавистью.

— Сбежать вздумал? Не выйдет! Один раз упустил — больше такой ошибки не совершу!

Я осторожно помахал рукой перед его лицом.

— Слушай... ты разве не ослеп?

Малец обиженно надулся, его лицо смешно перекошилось.

— Ну и что! Если я лишился глаз, это не значит, что я лишился разума! — Он придвинулся совсем близко, прошептал ледяным тоном: — В тебе живет мой глаз. Хм, в этом мире всего двое владели моими глазами. Одного я сожрал, а со вторым... полагаю, скоро случится то же самое!

Он занес кулак, готовый обрушить на меня сокрушительный удар. Я дернулся в сторону, но он не унимался: вцепился в мою руку с такой силой, будто хотел вырвать её с корнем. Казалось, он злится даже больше меня.

— Будешь знать, как убегать! Будешь знать, как прикидываться дурачком и делать вид, будто мы не знакомы!

— Давай просто поговорим... а-а-а! — рука хрустнула в его захвате, и я закричал от боли.

— Не о чем говорить! Хватит ломать комедию! Отвечай: кто я?

— Ты... дракон.

— Что?! — хватка усилилась.

— Полегче... тише! Ты — о, я вспомнил! Ты Серебряный дракон!

Вместо ответа я получил очередную затрещину.

— Всё, что я тебе говорил, из головы вылетело? Тупица бестолковый!

«Вечно он меня оскорбляет. Тоже мне, пуп земли нашелся», — обиженно подумал я, но вслух пролепетал смиренно:

— Откуда мне было знать... Если ты не дракон, то кто? Лотос, что ли?

— Ты!

Видно, я уже привык к побоям — даже с распухшим лицом я сохранял странное спокойствие. Глядя на покрасневшее от ярости личико ребенка, я вдруг вспомнил его имя. Ткнув его пальцем в переносицу прямо между нахмуренных бровей, я упер руки в бока:

— Ладно-ладно, Сяо Цанцан. Хотя я и «тупица бестолковый», но имя ваше великое запомнил.

— Хм! — Малец всё еще строил из себя недотрогу, но его взгляд заметно смягчился.

Я лихорадочно соображал. Судя по вспыльчивому нраву дракона, он вряд ли станет отвечать на мои вопросы. Разозлю его — и поминай как звали. Может, просто вернуть ему жемчужину и уйти? Но на душе было беспокойно. Глядя в его огромные, полные слез глаза, я чувствовал, как сжимается сердце. Оказалось, Фэнхуа не лгал.

Этот маленький дракон действительно отдал мне свои глаза. И ослеп.

Мне стало нестерпимо стыдно — ведь он отдал их мне, приняв за Шуйхуа. Я низко опустил

голову и протянул ему раскрытую ладонь:

— Сяо Цанцан... забери свои глаза обратно.

— Чего?! — Он снова взорвался, подпрыгнув на месте. — Ты смеешь отказываться?!

Я покачал головой:

— Дело не в смелости. Ты просто ошибся. Ты сейчас не видишь, но слышишь ведь? Мой голос изменился, и я стал очень уродливым. Тебя это напугает...

— Подумаешь, пара пятен на лице. Тоже мне, нашел из-за чего шум поднимать. По-моему, вполне прилично выглядит, — буркнул мальчишка, отворачиваясь.

Я замер, пораженный его словами.

— погоди... ты же слеп! Как ты можешь меня видеть?

Он задрал нос, всем своим видом демонстрируя превосходство.

— Мой глаз в тебе пустил корни, поэтому ты и есть мои глаза. Всё, что ты делаешь и говоришь, я вижу и слышу. Если ты рядом, я вижу мир твоими глазами. Впрочем, мне плевать — в Бездне Восточного моря я просидел тысячи лет и давно привык к темноте.

Всё остальное пролетело мимо ушей, но одна фраза заставила меня похолодеть. Всё, что я делаю и говорю, он видит? Значит, он знает о Шуйхуа? Знает... вообще всё?

— Естественно, я всё знаю, — отрезал он, даже не шелохнувшись.

Решив, что он не до конца меня понял, я повторил:

— Я... я не тот, кого ты ищешь.

Он нетерпеливо поморщился:

— Я в курсе.

— В курсе чего? — я озадаченно почесал затылок.

Его губы скривились в жутковатой ухмылке:

— В курсе, что ты — бестолочь и пустоголовый болван! Неудачник, потерявший Шуйхуа... Я готов загрызть тебя за это!

Даже до меня дошел смысл его слов. Я тихо спросил:

— Значит... ты всё понял?

— Хм.

Очередное неопределенное хмыканье. Общаться с ним было решительно невозможно. Я отряхнул рукава, собираясь уходить.

— Уже поздно, я пойду. До встречи.

— Стоять!

— Что еще?

— Я хочу тебя ударить.

—...

Прежде чем я успел возразить, дракон с плеском нырнул в море. Вода была ледяной, обжигающей холодом. Он потащил меня на глубину, возвращаясь в мрачные воды Бездны. Здесь ничего не изменилось, но его когти, впившиеся в мою спину, сдавливали грудь так, что стало трудно дышать.

— Эй! Зачем ты меня схватил?!

Дракон лишь зевнул, пошевелив усами, прикрыл глаза и мгновенно уснул.

Я оказался в крайне унижительном положении — прижатый к морскому дну под боком у спящего зверя. Глядя на его острые клыки, я попытался вырваться, но хватка лишь стала крепче.

«Господин Цан, да не спите вы!» — мысленно взмолился я.

Но все попытки были тщетными. Я никак не мог взять в толк: как этот малец, Сяо Цанцан,

обладает такой невероятной, грубой мощью?

Когда он наконец проснулся, моё тело уже затекло. Заметив его недобрый взгляд, я жалобно запричитал:

— Сяо Цанцан, ну отпусти ты меня...

— Отпустить? — Он сверкнул алыми глазами. — Мечтай больше! Ты — мои глаза, с какой стати мне тебя отпускать?

«Твои глаза?»

Я тяжело вздохнул и протянул руку:

— Послушай, если тебе нужна Божественная жемчужина застывшей луны — забирай. Я ведь только одолжил её. Теперь, когда она вернулась к владельцу, ты ведь позволишь мне уйти?

Он холодно усмехнулся:

— Есть вещи, которые не возвращают.

— О чем ты? — я непонимающе уставился на него.

— Не понимаешь? Глянь на свою ладонь — сразу поймешь.

Я посмотрел на руку. Там должен был остаться след от жемчужины, но... Где он? Метка исчезла!

Я в ужасе поднял взгляд на дракона. Тот смотрел на меня с торжествующей улыбкой и чеканил каждое слово:

— Жемчужина давно слилась с твоим телом. Хочешь вернуть её мне? И чем же ты собрался расплачиваться?

Его самодовольный вид выводил меня из себя.

— Ладно, чего ты хочешь?

— Я хочу...

— Ну?

— Я хочу сказать, что выглядишь ты на редкость паршиво. Уродец и есть.

—...

Бездна Восточного моря, место вечного холода и гробовой тишины, в этот миг едва не вскипела от моего гнева. Сяо Цанцан видел всё, что со мной происходило, чувствовал то же, что и я. Он буквально привязал меня к себе, сделал своей частью, держал на дне океана, но при этом ни словом не обмолвился о Шуйхуа.

Я думал, он придет в неистовство, узнав, что Шуйхуа пробудился, но он оставался пугающе спокойным. На душе скребли кошки. Я знал, что Шуйхуа — это Мо Чэ, но мне претило это признавать. Казалось, будто Чэ просто стерли, уничтожили, заменив тем существом, чей взгляд был бездонным, пугающим и полным тайных замыслов.

Я просто хотел знать правду. Лишь это.

Время летело незаметно. Прошел месяц, и в последние дни Сяо Цанцан стал сам не свой. Он метался, впадая в беспричинную ярость.

Однажды, проснувшись, я обнаружил, что дракона нет рядом. Сначала я обрадовался неожиданной свободе, но время шло, а он не возвращался, и мне стало не по себе. Даже не предупредил, что уходит.

Пользуясь моментом, я начал осторожно подниматься к поверхности. Несколько акул встретились мне на пути, но они, словно почуяв неладное, поспешно уплыли прочь. Я еще не достиг поверхности, когда до моего слуха донесся знакомый голос.

— Каждые пятьсот лет ты талдычишь одно и то же. У меня уже мозоли на ушах от твоих речей. Тебе самому не надоело?!

Сяо Цанцан?

Ему ответил другой голос — холодный и властный:

— Демонический дракон, если бы ты смиренно признал вину, тебя не изгнали бы из клана и не заперли в этой Бездне Восточного моря на тысячи лет. Спрашиваю в последний раз: ты раскаиваешься?

— Хм, — раздался издевательский смешок. — Я ни в чем не виноват. В чем мне раскаиваться?

— Упрямец! — прорычал незнакомец. — Жизнь в Бездне тебя ничему не научила. Советую тебе хорошенько подумать, прежде чем открывать рот. Другого шанса не будет.

Сяо Цанцан явно не собирался идти на мировую:

— «Потом» уже не наступит.

— Что?

— Я говорю, для тебя «потом» не будет, — в его голосе прозвучала зловещая веселость.

Собеседник осекся.

Когда мои глаза привыкли к свету и я вынырнул на поверхность, передо мной предстала жуткая картина. Огромный снежно-серебристый дракон заглатывал некое существо, похожее на бессмертного чиновника. Пара хрустящих движений челюстями — и несчастный исчез в его пасти.

Я замер, ошеломленный увиденным. Серебряный дракон заметил меня и принял человеческий облик. Он стоял прямо передо мной, а на его мертвенно-бледных губах алели капли свежей крови.

<http://bllate.org/book/17534/1707134>